

— Брат Хуа, пожалуйста, не злись больше, маленький Чэнь действительно понял свою ошибку, в следующий раз он больше не посмеет.

— О, и что же ты сделал неправильно?

Попытки Тан Мочэня выглядеть милым сработали, и гнев Хуа Маньлоу немного утих. Однако, чтобы Тан Мочэнь лучше запомнил урок и в следующий раз не рисковал в одиночку, он решительно не стал говорить, что больше не злится, а вместо этого попросил его объяснить, в чем его ошибка. Однако, когда вопрос был задан, Тан Мочэнь начал мямлить, так и не сказав, в чем он ошибся.

Хуа Маньлоу сразу понял, что Тан Мочэнь вообще не знал, в чем его ошибка. Его только что утихший гнев снова вспыхнул. Увидев выражение лица Хуа Маньлоу, Тан Мочэнь понял, что все кончено: гнев его старшего брата не только не утих, но и усилился. Но он думал и думал, и все равно не мог понять, в чем же его ошибка. Если бы он начал придумывать причины, его старший брат разозлился бы еще больше.

Разъяренный Хуа Маньлоу уже не обращал внимания на то, где они находятся. Он схватил Тан Мочэня, зажал его под мышкой и быстро спустил ему штаны до бедер. Звуки шлепков разносились по давно необитаемому дому.

Тан Мочэнь был настолько ошеломлен действиями Хуа Маньлоу, что даже не сопротивлялся, когда тот начал шлепать его. Только когда боль в его ягодицах разбудила его, он начал яростно бороться. Хуа Маньлоу держал его одной рукой, а Тан Мочэнь сопротивлялся так сильно, что вскоре вырвался из его хватки.

Когда Тан Мочэнь уже почти упал на пол, Хуа Маньлоу быстро подхватил его. Он сам не мог поверить, что его обычно спокойный разум был настолько охвачен гневом, что он начал шлепать Тан Мочэня. Когда он пришел в себя, он уже несколько раз ударил его, и тогда он делал это с такой силой, что, вероятно, ягодицы Тан Мочэня уже опухли.

Хуа Маньлоу еще не успел пожалеть о содеянном, как заметил, что Тан Мочэнь вырвался из его хватки и уже почти падал. Почти рефлекторно он тут же подхватил его.

В объятиях Хуа Маньлоу Тан Мочэнь почувствовал, как что-то коснулось его ягодиц, и его лицо мгновенно покраснело. Неизвестно, было ли это от стыда или гнева, но по какой бы то ни было причине, он больше не хотел оставаться в объятиях Хуа Маньлоу. Он начал еще яростнее бороться, и боль от трения кожи ягодиц обо что-то усилилась.

Хуа Маньлоу, естественно, почувствовал, как человек в его объятиях сопротивляется все сильнее. Поняв, что Тан Мочэнь не хочет оставаться в его объятиях, его лицо потемнело. Ведь он только что шлепал его, наверное, теперь он его ненавидит.

— Маленький Чэнь, брат Хуа больше не будет тебя шлепать, теперь давай вернемся и намажем мазь, хорошо?

— Штаны...

Услышав слова Хуа Маньлоу, Тан Мочэнь перестал бороться, но его лицо покраснело еще сильнее. Он опустил голову на грудь Хуа Маньлоу, и его приглушенный голос донесся до ушей старшего брата. В голосе чувствовалась легкая, едва уловимая обида, которую можно было заметить только при внимательном слушании.

Прожив с Тан Мочэнем так долго, Хуа Маньлоу хорошо его знал. Когда в его голосе были явные эмоции, это обычно было притворство. А сейчас, когда он пытался скрыть свои чувства, это было искренне.

Слово «штаны» напомнило Хуа Маньлоу, что он спустил Тан Мочэню штаны, но не надел их обратно. Чтобы не касаться его опухших ягодиц, он специально избегал этого места. Поглощенный мыслями о том, ненавидит ли его Тан Мочэнь, он даже не заметил, что штаны все еще были спущены до бедер. Он тут же поставил его на ноги.

— Брат Хуа, повернись.

Хотя он знал, что его старший брат слеп, Тан Мочэнь все равно смутился, его лицо покраснело. Когда Хуа Маньлоу послушно повернулся, он быстро натянул штаны. Штаны терлись о его покрасневшие ягодицы, и он невольно вскрикнул от боли.

Услышав этот звук, Хуа Маньлоу снова пожалел, что ударил его так сильно. Убедившись, что Тан Мочэнь надел штаны, он медленно присел, показывая, чтобы тот забрался к нему на спину, и он отнесет его домой.

Тан Мочэнь медленно забрался на спину Хуа Маньлоу, каждый шаг вызывал боль в ягодицах, сопровождаемую обидой и стыдом. Ему уже было одиннадцать лет, как его могли шлепать? Хуа Маньлоу понес его, и, кажется, они оба забыли о тайном ходе, который обнаружил Тан Мочэнь.

Семья Хуа владела самой большой недвижимостью в Поднебесной, поэтому Хуа Маньлоу и Тан Мочэнь не нуждались в гостинице. Они поселились в одном из владений семьи Хуа. Конечно, чтобы организаторы дела с поддельными банкнотами не узнали, что они прибыли в это место, Хуа Маньлоу не поехал в город, где находился Цянь Да, а отправился в небольшой городок неподалеку.

В комнате Хуа Маньлоу и Тан Мочэнь застыли в напряжении. Хуа Маньлоу, будучи слепым, не мог намазать мазь на Тан Мочэня, а сам Тан Мочэнь не мог увидеть это место. Хотя можно было использовать зеркало, он точно не стал бы этого делать, и, возможно, после ухода Хуа Маньлоу он вообще не стал бы мазать себя. Поэтому Хуа Маньлоу не хотел оставлять его одного. Его предложение вызвать врача было отвергнуто Тан Мочэнем: его уже достаточно унизили, если бы кто-то еще увидел, это было бы еще хуже.

К счастью, в этот момент Лу Сяофэн и Сыкун Чжайсин появились вовремя, и Хуа Маньлоу передал эту почетную, но трудную и наверняка вызывающую недовольство Тан Мочэня задачу Лу Сяофэну, а сам благоразумно ушел с Сыкун Чжайсином.

Тан Мочэнь, не имея возможности сопротивляться, терпеливо позволил Лу Сяофэну нанести мазь, постоянно излучая холод. Когда процедура закончилась, Лу Сяофэн вздохнул с облегчением. Он чуть не замерз от холодной ауры Тан Мочэня. Неудивительно, что слухи о том, что он сын Симэнь Чуйсюэ, до сих пор не исчезли. Его холодная аура была такой же ледяной, как у Симэнь Чуйсюэ. Лу Сяофэн совсем забыл, что эти слухи начались из-за него.

Когда Лу Сяофэн вышел, он обнаружил, что Сыкун Чжайсин уже ушел, и только Хуа Маньлоу сидел в зале, и его лицо выглядело не очень хорошо.

— Лу Сяофэн, как маленький Чэнь?

— В порядке, только постоянно излучает холод, я чуть не замерз.

— Ага.

— Хуа Маньлоу, это... ты его шлепал?

Лу Сяофэн был очень любопытен, что же сделал Тан Мочэнь, чтобы Хуа Маньлоу так разозлился и так сильно его отшлепал. За свою жизнь он редко видел Хуа Маньлоу в таком гневе.

— Я сам не ожидал, что так разозлюсь. Когда я обнаружил, что маленький Чэнь исчез, я подумал, что его похитили. Потом выяснилось, что он просто нашел тайный ход и сам туда залез. Когда я пришел в себя, я уже шлепал его. Наверное, теперь он меня ненавидит.

Лу Сяофэн совершенно не верил в то, что Тан Мочэнь ненавидит Хуа Маньлоу. С его привязанностью к Хуа Маньлоу это было невозможно. К тому же, айсберги всегда скрытны. Холодная аура Тан Мочэня была явным признаком его смущения и гнева. В конце концов, быть отшлепанным — это так унижительно, что любой бы рассердился.

— Хуа Маньлоу, это маленький Чэнь дал мне. Он сказал, что выход из тайного хода, который он нашел, находится недалеко от деревни, а эта вещь была найдена внутри.

<http://bllate.org/book/16231/1458288>